

26 МАЯ 1977

Премьера

Живопись, ожившая в музыке

Состоялась премьера новой симфонии композитора Сулхана Насидзе. Произведение было исполнено Государственным заслуженным симфоническим оркестром Грузии под управлением народного артиста Грузинской ССР Джансуга Кахидзе.

Нико Пиросманишвили — художнику удивительного, самородного таланта — посвящена новая симфония Сулхана Насидзе «Пиросмани».

Художественный замысел симфонии — переплетение глубоко личного с реальным предметным миром — обусловил наличие двух контрастных образных сфер и соответствующих стилистических слоев. Их постоянным столкновением и вызван глубоко экспрессивный тонус музыкального повествования, цепко овладевающий вниманием слушателя.

Небольшая по масштабу, одностаянная форма симфонии представляет стройную композицию, в которой все тща-

тельно продумано и выверено.

Внутренний мир художника вырисовывается во вступительных тактах симфонии. Простой, безыскусный мотив, звучащий в партии электрооргана, а затем вибратона и челесты, как бы олицетворяет удивительную чистоту духовного облика Пиросмани.

Сквозь оболочку личного точно просвечивает реальный предметный мир, окружающий художника. Впервые он дает о себе знать в звучании имитирующем тембр зурны. Перед слушателями возникает незабываемый колорит старого Тбилиси, неповторимый, глубоко национальный. Мир этот болезненно отражается на эмоциональном восприятии художника. В пронзительных пассажах флейты, в экспрессивном соло виолончели — реакция Пиросмани на окружение, на безжалостно серое, обыденное. И реакция эта за-

мыкает его душу в грусти. Одинокó звучит лейтмотив симфонии, переходящий в глухие «шаги» художника (удары по обручам барабана), бредущего по родным улицам города.

Следующая композиционная «среда» — яркая, живописная характеристика подробностей уличной жизни. Удивительно сочно дана композитором музыкальная интерпретация конкретного мира. Но неистово взвинченные мотивы, буйство оркестровых красок переносят внимание слушателя от конкретности изображаемого к психологической отвлеченности образа.

Неукротимый порыв этого эпизода, его ослепительное звучание сменяются прозрачной оркестровой тканью — проникновенным диалогом флейты и альты, подводящим к заключительному разделу произведения, в котором удивительно впечатляюще воспринимается новая инстру-

ментальная краска — тембр гитары. В ее мелодии, кажущейся знакомой и близкой, — тот по-детски неискушенный взгляд художника, которому так своеобразно представлялся окружающий его мир. Наступает шемная тишина, из которой вырастают уже знакомые «шаги» художника. Он снова одинок, но одиночество его животворяще. Не потому ли конец симфонии звучит так просветленно, а удаляющиеся «шаги» завершающие симфонию, рождают в слушателе прекрасные видения, полные аромата того, что окружало Пиросмани, и отмеченные печатью неповторимой личности художника.

Такова сила воздействия прекрасной музыки симфонии, таков портрет художника, написанный талантливой рукой музыканта.

Н. ЛОРИЯ,
музыковед.